ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 069.51: 347.232.1+341.384

Ян Долак

ИЗЪЯТИЕ И РЕПАТРИАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Если коллекция считается одним из главных признаков музея и музейного дела, то создание музейной коллекции или собрания принадлежит к самым важным задачам музеев. Коллекция не является целью, она лишь средство культурного воздействия музеев. Создание коллекции включает в себя ряд процессов, связанных с тезаврированием, таких, как, например, учет, инвентаризация, хранение, консервация, реставрация, препарирование, основные меры защиты от кражи, или ущерба по самым разным причинам (от влияния света до биологических вредителей) и т.п. Всему этому предшествуют довольно сложные поиски ответа на, казалось бы, простой вопрос: что, собственно, должно находиться в музее, а что нет? То есть продуманная первичная селекция, отбор. Речь идет о чрезвычайно важном вопросе, который не все музеи в состоянии решить. Продуманным отбором предметов или документов на хранение в музее практически ничего не заканчивается – это, однако противоречит принятой во многих музеях практике. Многие кураторы работают так, как будто бы предметы из коллекционных фондов, полученные музеем вчера, десять или даже сто лет назад, автоматически становятся постоянной составной частью какого-то храма вечности, если хотите, постоянным предметом культурного наследия. Мы должны все время думать о том, должны ли эти конкретные коллекции, или, лучше сказать, их отдельные части, находиться в музее или нет. Для этого вида деятельности мы можем использовать термин «повторная селекция». Музей должен быть живым организмом, который принимая что-то, что-то должен и отдавать. На тему изъятия предметов из музейных фондов существуют целые библиографии, однако, к сожалению, почти все эти работы, за небольшим исключением, написаны на английском языке[1]. Изъятие предмета из фондов не означает однозначного изъятие предмета из музейного имущества. С точки зрения создания коллекционного фонда я не противопоставляю принятие предметов их изъятию и не рассматриваю их как два противоположных полюса. Это соединяющиеся сосуды, противоположные стороны одного гомогенизированного, концептуального процесса.

Работа с коллекциями это не только собирательство, то есть сосредоточение ценных, и, возможно, с точки зрения коллекционирования «интересных» предметов. Речь идет

[1] http://icom.museum/biblio_deaccessioning.html (ссылка последний раз проверялась 15 июня 2011 г.).

о создании специфических ценностей, которые заключаются в информативности **всей** коллекции о развитии природы или общества. «Ценность комплекта собранных вещей – финансовая, культурная или же научная – является, в сущности, совокупностью ценностей отдельных предметов, в то время как в процессе создания коллекции возникает абсолютно новое значение. Отчасти из-за того, что значение отдельных предметов в коллекции растет, вследствие установления взаимосвязей между ними и все нового знания о них, отчасти же и потому, что вместе с этими предметами хранится относящаяся к ним документация, что в свою очередь значительно увеличивает информационное значение коллекции. Культурное значение коллекции также растет за счет деятельности куратора, которая сама по себе является ценностью. Коллекция – наряду с ценностью «создания» – является и подтверждением ценности ‘’творчества’’»[2]. К сожалению, это обстоятельство игнорируется многими музеями и их сотрудниками.

По каким причинам мы изымаем предметы из фондов музеев? Я полагаю, что, прежде всего, по двум главным причинам: А. – непригодность и Б. – избыточность.

А. Предмет является непригодным, если он необратимо поврежден. Другими словами, музей так долго и старательно заботился о предмете, что тот или абсолютно проржавел, или же был уничтожен насекомыми. С помощью своих студентов, пишущих бакалаврские и дипломные работы, я провожу исследование на территории всей Чехии, в результате которого обнаружилось, что этот фактор является самой частой причиной изъятия предметов из коллекции. Кроме того, в результате этого исследования становится все более очевидным, что чешские музеи ежегодно собирают предметов в несколько раз больше, чем изымают. Если это делается для повышения качества коллекции, этот процесс полостью оправдан. Однако, отнюдь не всегда это так.

В. Предмет является избыточным, если он не соответствует характеру коллекции и не повышает ее ценность. Такие предметы имеет смысл обменивать на другие или выгодно продавать.

Иногда предметы изымаются и по другим причинам. Например, предмета в музее нет, но нет и убедительных доказательств того, что он был украден. Это могло произойти, например, в результате допущенной много лет назад ошибки в учете. В связи с вопросом о том, кто должен определять возможность изъятия предмета, мы наталкиваемся на ряд половинчатых или же просто неполноценных решений. Образцовым примером может служить выставка «Disposal?», организованная Университетским музеем в Лондоне. На выставке было представлено множество предметов, относительно значения которых для музейных фондов у кураторов имелись сомнения. Посетители выставки своим «квалифицированным» голосованием решали, останется ли тот или иной предмет в музее или нет![3] Стремление втянуть посетителей (например, в рамках так называемой новой музеологии или же дея-

[2] *Žalman J.* Příručka muzejníkova I. Praha, 2002. P. 9.

[3] См.: http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1936768,00.html?iid=tsmodule

тельности экомузеев) в саму сущность музейной работы, каковой бесспорно является создание фонда, на мой взгляд, должно иметь свои границы. Если допускать активное участие общественности в создании фонда, впоследствии придется отказаться от какой бы то ни было музеологии, теоретического подхода к нашей работе и т.п. Более того, это станет доказательством сомнений по поводу того, является ли музейный куратор специалистом в своей области, т.е. хороший ли он зоолог, этнограф и т.д. В современной музеологии многие авторы используют термины «партиципативное коллекционирование», «коллекционирование, обращенное к сообществу», «совместное творчество», «совместное кураторство», «социальное кураторство» и т.п. Каждый из этих подходов должен быть строго и четко определен, следует понять, идет ли речь лишь о коллекционировании, коллекционировании с участием общественности или же о продуманной деятельности по созданию фондов.

Я бы продемонстрировал нелегкую работу по исключению предметов из фондов на следующем примере. В одном из чешских городов, со средневековья связанном с чеканкой монет, находится музей с довольной обширной нумизматической коллекцией. По квалифицированной оценке куратора музея, знатока нумизматики и музейного работника, приблизительно 2 000 монет, хранящихся в фондах, ему не нужны. Эти монеты повреждены, или избыточны, вместо каждой из них у него есть несколько лучших экземпляров. Несмотря на все это, эти 2 000 монет остаются в фондах музея. Куратор опасается, что в случае его предложения изъять эти монеты, общественность обвинит его в «культурном варварстве» ... Здесь видно слабое место этой проблемы с теоретической, музеологической точки зрения. Рука об руку с этим идет и недостаточная подготовка музейных работников. Музейные работники, обучающиеся на кафедрах музеологии или же различных курсах повышения квалификации, постоянно требуют программ, более нацеленных на практику. Однако трудно себе представить более подходящий пример, чем этот, когда правильное теоретическое понимание процесса изъятия предметов из фонда находится в самом центре решения наиболее практических и наболевших вопросов музейной практики ...

Согласно Центральному учету фондов, который ведет Министерство культуры Чешской Республики, в чешских музеях находится приблизительно 18,5 млн. музейных предметов. Некоторые из них могут состоять из нескольких (отдельных) предметов. Я имею в виду случаи, когда один мешочек (т.е. один предмет) может содержать несколько археологических черепков или осколков, один гербарий – несколько засушенных растений, один сосуд – множество энтомологического материала. То есть количество отдельных предметов, или фрагментов может быть и в три раза больше и, таким образом, достигать 60 – 65 млн. Точных подсчетов в Чехии не проводилось и в ближайшее время проводиться не будет. Если только 10 % фондов хранится в музеях без надобности, то речь уже идет о 6 – 6,5 млн. отдельных предметов. Их культурное значение минимально. С другой стороны, их хранение, инвентаризация, возможные операции консервационного характера стоят немалых финансовых средств и лишней работы сотрудников.

В случае если темпы роста количества предметов в музейных фондах останутся неизменными, то по некоторым оценкам через 130 лет в чешских музеях будет находиться

один миллиард отдельных предметов или фрагментов[4]. Это количество настолько абсурдно, и хранение миллиарда предметов так нереально, что мы должны были бы очень серьезно над этим задуматься. Я имею в виду в первую очередь музеологов, а затем и самих музейных работников. Если эту проблему не начнем решать мы, то рано или поздно ее окончательно и бесповоротно, а также неквалифицированно, решит какой-нибудь чиновник. А это уже плохая ситуация, и мне не кажется, что этот пример характерен для одной лишь Чехии.

Некоторое время тому назад я уже обращал внимание на то, что в нашей стране за последние 100 лет сменилось немало политических систем[5]. Австро-Венгерская империя до 1918 г., потом самостоятельная Чехословакия до 1938 г., далее так называемая Вторая республика до 1939 г., потом до 1945 г. Протекторат Чехии и Моравии, после этого три года довольно ограниченного, но все-таки свободного развития, далее – 40 лет правления одной партии, с 1989 г. – опять свободное развитие общества и экономики. Во все времена музеи жаловались на недостаточное количество финансов для ухода за фондами. Но можем ли мы винить в этом лишь политические режимы? Неприязнь правящей верхушки? Или же в этом есть и некоторая вина самих музейных работников и их непродуманного подхода к отбору и изъятию? Я не вижу в них какую-то новую парадигму музеологии как отрасли науки. На мой взгляд, это непонимание, неиспользование, зачастую прямое отрицание современных музейных постулатов, а в некоторых крайних случаях – даже нежелание руководствоваться рациональными соображениями.

Изъятие предметов из фондов происходит иногда вследствие реституции и репатриации, т.е. на основании решения суда или же согласно общепринятым правовым нормам. В Чехии эта проблема решалась после 1989 г., когда музеи возвращали фонды, отобранные после 1948 г. у «врагов рабочего класса», Церкви и т.п. Государство полностью восстановило Еврейский музей в Праге. Отдельные предметы были возвращены и в Россию (например, «Портрет крестьянина» И. Н. Крамского). Вопрос реституции был для ряда чешских музеев неприятным, поскольку они лишились нужных им зданий. Однако в целом музейные собрания не понесли значительного ущерба в связи с реституцией. В долгосрочной перспективе вопрос реституций с количественной точки зрения является для фондов второстепенным. В подавляющем большинстве случаев изъятия осуществляются по другим причинам.

С другой стороны, можно сказать, что репатриация (реституция) является чрезвычайно чувствительной проблемой, которую часто обсуждают общественность и СМИ. Репатриация – это процесс возвращения какого-то лица домой. Так можно определить, например, процесс возвращения беженцев или же солдат домой после окончания каких-либо военных действий. Культурная репатриация – это возвращение предметов культуры в страну их происхождения. Слово «репатриация» связано с родиной, отчизной и не должно употребляться в ином значении. Известные Мраморы Эльджина могли (должны) были бы быть репатриированы. Слово «реституция» означает возврат чего-то в первоначальное состояние

[4] *Žalman J.* Muzea ve 22. století aneb pohled do křišťálové koule // Věstník Asociace muzeí a galerií. 2008. № 6. P.11

[5] *Dolák J.* Museums in Modern Era // Museums in Transformation Process. Brno, 2004. P. 11-16.

или к изначальным условиям. После 1989 г. чешские музеи должны были вернуть ряд (далеко не все) предметов и зданий, которые были отобраны у владельцев во время коммунистического режима. Эти предметы после реституции, как правило, не покидали пределов страны, следовательно, в данном случае речь не шла о репатриации. Если оригинал (первоначальная вещь, здание) не может быть возвращен владельцу (например, потому что физически больше не существует), то владельцам или их наследникам предоставляется репарация (например, военная репарация), т.е. возмещение, компенсация и т.п.

В настоящее время в России часто обсуждаются вопросы, связанные с возвращением бывшего церковного имущества (не только православных икон, но и зданий), ответы на эти вопросы выходят за границы настоящей статьи. По моему мнению, иконы в свое время не создавались как музейные предметы, точно так же, как, в сущности, и все, что в музеях находится. Они были созданы для религиозных целей, для использования в этих целях, включая возможный ущерб от горящих свечей. Решительные антирелигиозные действия советской власти трудно объяснить стремлением проводить продуманную деятельность по фондообразованию. С этой точки зрения требования Церкви являются обоснованными. С другой стороны, больше внимания должно уделяться вопросу, почему, собственно, Церковь настаивает на возврате этих предметов? С учетом того, что речь идет о составной части русского национального богатства, культуры, памяти, в случае их возвращения продажа икон за границу должна подвергаться чрезвычайно строгим ограничениям. Хочет Церковь продавать возвращенные предметы в стране или же использовать их для церковных нужд? Психология и теория менеджмента рекомендуют решать любой конфликт не с позиции силы, а с позиции интересов. То есть не оставаться на уровне своей позиции (я что-то хочу вернуть, а вот тот, другой это мне возвращать не хочет), а изучать интересы обеих сторон, то есть, пытаться понять, почему одна сторона чего-то требует, а вторая не хочет это требование выполнить. Владение каким-либо имуществом включает в себя не только права, но и ряд обязанностей.

В Чешской Республике не было серьезных проблем с возвратом имущества частным владельцам, включая имущество культурного характера. Возврат церковного имущества происходил несколько непродуманно, и до сегодняшнего дня этот вопрос остается решенным не полностью. Церковь считает, что она получила мало, противная сторона верно указывает на тот факт, что определенная часть уже имеющегося у церкви имущества не служит религиозным целям.

Вышло много статей и монографий на тему реституции и репатриации[6]. Здесь мы наталкиваемся на чрезвычайно сложные взаимосвязи, вызванные различными войнами, договорами, соглашениями, вследствие национальных предрассудков, недоразумений между большинством и меньшинством, напряжения между бывшими колониями и бывшими колонизаторами и т.п. Эти вопросы с точки зрения музеологии являются неразрешимыми. Следует отметить, что несправедливость неискоренима, однако решение каких-либо проблем

[6] *Schönenberger B*. Restitution von Kulturgut: Anspruchsgrundlagen – Restitutionshindernisse – Entwicklung. Bern, 2009.

не должно порождать новую несправедливость. Очевидно, мы должны смириться с некими общепринятыми рамками репатриации. Всем известны требования греков по возвращению Мраморов Эльджина, перевезенных в Англию в 1803 г. Возьмем, однако, в качестве примера Центральную Европу XIX в. Вплоть до 1918 г. чешские земли входили в состав Австро-Венгерской империи, и венские музеи до сих пор полны археологических находок из Моравии, но я никогда не слышал о каких-либо требованиях по их «возвращению» из Австрии в Чешскую Республику. Можно было бы вспомнить и времена Тридцатилетней войны, когда Пражский град подвергся грабежу шведских войск. Но что тогда говорить о почти сотне немецких музеев, множестве замков, дворцов и другого имущества, отнятых у немцев в 1945 г. Для моей страны 1945 г. является полностью непреодолимым, так что временная граница Мраморов Эльджина – 1803 г. – это для нас древность.

Какова ситуация в музейном мире? Постепенно усиливаются призывы к более смелой реституции, как «акту отваги и скромности»[7]. Многие общедоступные источники указывают на то, что большинство авторов – пусть даже и очень осторожно – скорее «за», чем «против» (вспомним, хотя бы, принятый ИКОМ «Кодекс музейной этики»). Решительно противостоит этим тенденциям «Декларация о важности и ценности всемирных музеев»[8], которую в 2002 г. подписали более двадцати директоров крупнейших музеев мира. В Декларации указывается, что ранее приобретенные объекты стали составной частью наследия народов, которые их хранили, И мы не можем этого отрицать. Далее утверждается: «Приведем лишь один пример – греческая скульптура классического периода является отличной иллюстрацией важности публичного коллекционирования».

Авторы правильно отмечают, что каждый случай должен рассматриваться индивидуально, однако далее утверждают, что «назначение музея состоит в развитии знаний с помощью непрерывного процесса ре-интерпретации, и каждый предмет способствует развитию этого процесса». На мой взгляд, точка зрения музеологов относительно создания фондов несколько иная.

Декларация вызвала ряд споров. Среди высказывавшихся мнений можно отметить суждения бывшего председателя Комиссии по этике ИКОМ Джефри Льюиса[9], которые я хотел бы прокомментировать с точки зрения музеологии. Прежде всего, я согласен с бывшим директором Национального музея Кении, Джорджем Абунду, в том, что сам термин «всемирный музей» не вполне удачен. Если музей располагает музейным фондом, выходящим за рамки данной страны или данного народа, всемирных музеев будет очень много. Несведущий читатель, может быть, будет удивлен, узнав как много неевропейских предметов хранится в фондах чешских музеев, фондах, специально создаваемых не многим более

[7] *Scheiner T.* Museums, Museology and the Restitution of Cultural Heritage at the Dawn of a New Global Ethics // Deaccession and Return of Cuktural Heriatage: A New Global Ethics. P. 31-36. (ICOFOM Study Series. 2010. Vol.. 39).

[8] http://icom.museum/universal.html (ссылка последний раз проверялась 15 июня 2011 г.).

[9] *Lewis G.* The «Universal Museum»: a case of special pleading? // Art and Cultural Heritage: Law, Policy and Practice. New York, 2006. P. 379-385.

100 лет, несмотря на то, что чехи никогда не завоевывали чужих стран и у них никогда не было колоний. В таком случае Национальный музей в Праге, а также многие ему подобные, могут быть отнесены к категории всемирных музеев.

Как же решать вопросы, связанные с репатриацией? Оптимальным компромиссом, на мой взгляд, является подход Государственного музея в Берлине, который оставил запрашиваемые предметы в своей собственности, но предоставил их в долгосрочную аренду местам их первоначального возникновения. Возможно, это пример для подражания и в том, что касается столь часто упоминаемых СМИ Мраморов Эльджина. Однако следует отметить, что не всегда решение бывает таким простым, как в данном случае.

Как музеология могла бы помочь решению данной проблемы? Отметим лишь два момента:

1. Часто используемый сейчас термин «всемирные ценности» или же «культурное наследие человечества» не выдерживает столкновения с проблемами репатриации. Если бы человечество имело какие-то культурные ценности мирового значения, место их хранения не играло бы роли. С этим, однако, нельзя согласиться. Я думаю, что предметы из какой-нибудь африканской страны, хранящиеся в Лувре в течение ста, двухсот или более лет, являются культурным памятником, прежде всего, этой африканской страны, однако отчасти и Франции. На одной очень серьезной встрече музеологов произошел интересный разговор между сотрудницей одного из крупных европейских музеев и представителем африканской страны. Дама предложила оставить в Европе оригинальный африканский предмет и «вернуть» его в среду происхождения на компакт-дисках и через Интернет, на что африканец совершенно логично отметил, «что возвращение картинки» не является возвращением предмета культурного наследия, особенно, если учитывать минимальное количество африканских семей, имеющих доступ к Интернету или же электронной технике!

2. Однако с музеологической точки зрения мы должны изучать вопросы создания фондов. В верно составленном фонде конкретный предмет имеет незаменимое значение. Поэтому его возможная репатриация может сделать фонд беднее не только из-за отсутствия самого предмета, но и нанести ущерб общей информативности фонда, то есть всем остальным его предметам. В этом случае репатриация не должна проводиться. Если же предмет в фонде является лишь «одним из», то его возможная репатриация фонду не повредит. При этом необходимо понять, будет ли данный предмет играть свою гомогенизированную функцию в «новом» фонде, или же останется там обособленным, пусть и драгоценным экспонатом.